

Лукреция
Флориани

Жорж Санд

ЛУКРЕЦИЯ ФЛОРИАНИ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
С18

Перевод с французского Якова Лесюка

Санд, Ж.

С18 Лукреция Флориани. / Жорж Санд. ; [пер. с франц. Я. Лесюк]. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 348 с.

ISBN 978-5-521-74729-0

В истории любви «насмешливой и гордой плебейки» — итальянской актрисы Лукреции Флориани и душевно нетерпимого, презирающего людей аристократа-славянина князя Кароля фон Росвальда современники узнавали перипетии непростых отношений между самой писательницей и гениальным польским композитором Фредериком Шопеном.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74729-0

© T8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
© Перевод. Я. Лесюк, наследники, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Любезный читатель (обращение это старинное, но самое лучшее), предлагаю на суд твой новое свое сочинение в жанре, который был известен уже древним грекам; боюсь, оно тебе не слишком понравится. Миновали времена, когда

...В введении своем молил писатель,
Чтоб снисхождение к нему явил читатель.

С тех пор, как Буало указал на сию ложную скромность, недостойную великих людей, от нее многие уже избавились. Ныне авторы ведут себя весьма дерзко, и если предваряют книгу вступлением, то в нем ошеломленному читателю доказывают, что ему надлежит, приступая к чтению, снять шляпу, восторгаться и помалкивать.

И очень хорошо, что с тобой так обращаются, благосклонный читатель, ведь это приносит успех. А ты не выказываешь неудовольствия, ибо отлично знаешь, что автор не такой уж вздорный человек, каким хочет прослыть, что это всего лишь прием, мода, манера рядиться в чужие одежды, а вообще-то он сделает все, что в его силах, и постарается угодить твоему вкусу.

Ну, а вкус у тебя, мой славный читатель, подчас весьма дурной. С той поры, как ты перестал быть французом,

тебе нравится все, что противно французскому духу, французскому складу ума, старинной манере выражаться и ясному, простому истолкованию событий и характеров. Чтобы потрафить тебе, автору надо обладать одновременно драматизмом Шекспира и романтизмом Байрона, причудливой фантазией Гофмана и тягой к ужасам, присущей Льюису и Анне Рэдклиф, да еще возвышенностью Кальдерона и всего испанского театра в придачу; а ежели он довольствуется подражанием лишь одному из этих образцов, ты находишь, что его творению недостает колорита.

Из-за твоего неразборчивого вкуса школа романа очертя голову кинулась в хитросплетения ужасов, убийств, измен, грозных неожиданностей, причудливых страстей, поразительных событий — словом, пустилась во все тяжкие, отчего у людей неискушенных, которым отсутствие проницательности и уверенности в себе не позволяет угнаться за нею, кружится голова.

Вот на что шли, лишь бы тебя убогатить; если же для виду тебе порой и отпускали пощечину, то делали это лишь для того, чтобы привлечь твое внимание, и затем сделать все, чего ты только пожелаешь. А посему я заявляю, что никогда еще публику так не улещали и не баловали, никогда перед ней так не заискивали, как в нынешнее время, когда книги потоком обрушиваются на читающих.

Ты уже простил другим столько дерзостей, благосклонный читатель, что, верно, не рассердишься, если я выскажу еще одну, совсем уж пустяковую: поглощая столько пряностей, ты портишь себе желудок, наносишь ущерб своим чувствам и заставляешь сочинителей рома-

нов неразумно растрачивать силы. Ты вынуждаешь их до такой степени злоупотреблять всевозможными приемами и настолько утомлять воображение, что вскоре оно вообще иссякнет, разве только изобретут новый язык и создадут новый род людской. Ты больше не позволяешь щадить талант, и он себя расточает. В один прекрасный день обнаружится, что все уже сказано, и авторы вынуждены будут повторяться. Это нагонит на тебя тоску, и ты, всегда неблагодарный к своим друзьям, забудешь, какие чудеса воображения и плодovitости они творили и какое удовольствие тебе этим доставляли.

Коль скоро дело обстоит так, спасайся кто может! Завтра возникнет попятное движение, наступит реакция. Мои собратья дошли до крайности, бьюсь об заклад, что они объединятся и станут хором требовать для себя иной работы — не столь трудной и более выгодной.

В небе уже сгущаются тяжелые свинцовые тучи, пахнет грозой, и я благоразумно отхожу от того яростного круговорота, в который по твоей милости втянута литература. Я присаживаюсь у обочины дороги и смотрю, как мимо проносятся разбойники, предатели, могильщики, убийцы, обиралы, отравители, вооруженные до зубов кавалеры, растрепанные дамы — все окровавленные и неистовые актеры современной драмы. Я вижу, как они проносятся мимо, сжимая кинжалы, придерживая короны, запахивая нищенские лохмотья или пурпурные мантии, и проклинают тебя, ища для себя иного занятия, ибо им осточертела роль скаковых лошадей.

Но как поступить мне, бедняге, которому всегда были чужды поиски новой формы, как мне устоять перед этим вихрем и вместе с тем не прослыть чересчур отсталым,

когда новая, пока никому еще не ведомая, но уже наступающая мода восторжествует и утвердится?

Сначала я отдохну и займусь небольшим, не слишком хлопотливым делом, ну, а там поглядим! Ежели новая мода будет хороша, последуем за нею. Нынешняя чересчур причудлива, чересчур накладна; я же чересчур стар, чтобы подлаживаться к моде, да и средства мои того не позволяют. Стану, как раньше, щеголять в дедовском сюртуке: он удобен, прочен и прост.

Итак, читатель, следуя французской методе, по обычаю наших славных предков, я заранее предупреждаю тебя, что устраню из повести, которую буду иметь честь предложить твоему вниманию, главную приманку, самую острую из пряностей, какие в ходу на нынешнем торжище, — то есть все непредвиденное, внезапное. Не стану я то и дело повергать тебя в изумление, не стану заставлять в каждой главе испытывать то жар, то холод, — нет, я не спеша поведу тебя по совершенно ровной и тихой дороге и попрошу рассматривать то, что прямо перед тобою и позади, справа и слева: кусты в овраге, облака на горизонте — все, что откроется твоему взору на спокойных равнинах, которыми мы будем проходить. Если по случайности нам преградит путь лощина, я скажу: «Берегись, здесь лощина»; если нам встретится поток, я помогу тебе перебраться через этот поток, а не посоветую броситься в него очертя голову, чтобы потом со злорадством сказать другим: «Ловко я поймал этого читателя» или чтобы с удовольствием услышать твой вопль: «Уф! Чуть было не сломал шею, вот уж не думал; славную шутку сыграл со мной автор!»

Словом, я не стану над тобой насмехаться; полагаю, трудно рассчитывать на лучшее обращение... И все же вполне вероятно, что ты сочтешь меня самым заносчивым и самым высокомерным из романистов, что ты уже на полдороге выйдешь из себя и откажешься следовать за мною.

Сделай одолжение! Ступай, куда влекут тебя твои склонности. Я не возмущаюсь теми, кто пленяет тебя, действуя совсем иначе, чем сам я собираюсь действовать. И не питаю отвращения к моде. Любая мода хороша, пока она полновластно царит; о ней можно правильно судить только тогда, когда ее свергают с престола. Ибо на стороне моды божественное право, она детище духа времени; однако мир достаточно велик, и в нем найдется место для всех, а свободы, которыми мы пользуемся, разрешают нам по крайней мере сочинить плохой роман.

I

Юный князь Кароль фон Росвальд лишился матери незадолго до своего знакомства с Флориани.

Он был еще погружен в глубокую печаль, и ничто его не радовало. Княгиня фон Росвальд была превосходная, нежная мать, она окружала своего хилого, болезненного сына неусыпными заботами и самоотверженным уходом. Никогда не разлучаясь с этой достойной и благородной женщиной, он за всю свою жизнь изведаль лишь одно сильное чувство — сыновнюю любовь. Взаимная привязанность сына и матери превратила обоих в людей необыкновенных, но вместе с тем в их взглядах и чувствах было, пожалуй, что-то ограниченное. Правда, княгиня слыла женщиной весьма умной и широко образованной; ее речи и наставления были для юного Кароля важнее всего. Слабое здоровье закрыло мальчику путь к классическим занятиям, утомительным, сухим и упорным: сами по себе они не идут ни в какое сравнение с уроками просвещенной матери, но имеют то бесспорное преимущество, что приучают к труду, ибо служат неким ключом к познанию жизни. Отказавшись по совету врачей от педагогов и книг, княгиня фон Росвальд решила развивать ум и сердце сына, беседуя с ним, обо всем ему рассказы-